

Уважаемые читатели, я хочу рассказать о своем опыте общения с самыми близкими и преданными друзьями человека — собаками. В этой книге вы найдете интересные истории, связанные с братьями нашими меньшими, и рассказы о путешествиях на родину самых распространенных пород.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мой прадед, Василий Иванович Куцевалов, был обычным рабочим в Екатеринодаре. Сейчас этот город называется Краснодар. Про таких принято говорить «мастер золотые руки». Спокойный, ответственный, пятеро детей, семья жила в собственном доме. В общем, обычный человек, если бы не одна странность — он очень любил собак. Откуда у него было такое увлечение, теперь уж узнать вряд ли удастся. Рядом с его калиткой всегда сидело несколько бездомных собак. И для каждой у прадеда находились доброе слово и кусочек чего-нибудь вкусненького. Кого-то приходилось и лечить. На завод, на базар, по семейным делам — всегда прадеда сопровождали его питомцы. Поэтому за глаза Василия Ивановича в городе называли «Вася-дурачок». Ему-то что, а вот прабабушке Анне Викентьевне слышать такое о муже? Это сейчас в каждом городе чудаков и прочих творческих личностей полно. Лет сто назад нравы были построже. Ну как жить-то, если на твоего мужа все пальцами показывают и дурачком называют, и главное — из-за чего? Непьющий, работающий, а здесь поди ж ты — собаки, будь они неладны!

Владельцем завода, на котором работал мой прадед, был обрусевший немец. Он очень гордился парой своих догов, которых привез из Германии. И вот однажды у этих догов появилось пятеро щенков. Когда малышам было около месяца от роду, они заболели. Хозяин выписал ветеринаров сначала из Ростова, а потом из Москвы, но приглашенные святила с постановкой диагноза затруднялись. Между тем щенкам становилось все хуже. И тогда кто-то посоветовал владельцу завода обратиться к одному из его сотрудников — Васе-дурачку.

Прадед забрал всех щенков к себе домой. Поил их какими-то отварами и постоянно с ними разговаривал. Он не выходил из дома, практически не спал. Прабабушка недовольствовалась, но тихо. Знала, если ее мужу что-то втемяшилось — спорить с ним бесполезно. Две недели Василий Иванович неотлучно просидел с щенками и, в конце концов, вылечил всех. Когда прадед живых и здоровых вернул их законному владельцу, тот не поверил своим глазам: «Проси, чего хочешь, Василий Иванович, заслужил, брат».

Что бы попросил нормальный человек, будь у него такая возможность? Может быть, денег, ведь каждый такой щенок стоил по тем временам не менее пятидесяти царских рублей (двести пятьдесят – за всех спасенных), деньги огромные для простого человека. За такие барыши можно было и дом новый справиться, да и на богатые гостинцы осталось бы. Но это нормальный человек, а мой прадед попросил одного из тех щенков, которых он вылечил. Владелец завода был человек слова и отдал прадеду щенка, на которого тот показал.

Узнав об этом, прабабушка гоняла своего непутевого супруга по всему району, охаживая скалкой. Она никак не могла поверить, что ее дурачок отказался от ВСЕГО взамен собаки! Справедливости ради надо сказать, что Анна Викентьевна, в конце концов, простила своего мужа и полюбила нового члена семьи, которого называли Рено. Пес пережил и революцию, и гражданскую войну.

Прошло много лет, и на свет появился я. Когда мне было около года, к нам в гости приехала моя бабушка, дочь Василия Ивановича и Анны Викентьевны. Мы пошли все вместе гулять. Говорят, я увидел на улице очень большую собаку, подбежал к ней и обнял за шею, а пес неожиданно для всех начал меня вылизывать. Моя бабушка, глядя на это, перекрестилась и сказала: «Дед Вася воскрес».

Моя любовь к собакам началась очень давно, наверное, с самого рождения. Сколько я себя помню, я просил завести щенка. Жили мы в коммунальной квартире, в центре Москвы. И несмотря на то, что с соседями у моих родителей были хорошие отношения, об этом и речи быть не могло. Я искренне завидовал всем, у кого были дома эти верные друзья. Я на самом деле считал, что для полного счастья человеку нужна только собака. Моим родителям я должен сказать огромное спасибо, так как они со всей серьезностью отнеслись к моей мечте, и, как только наши соседи съехали –

дом перед капитальным ремонтом начали расселять, – у меня появилась собака!!! С этого все и началось.

Первою мою любовь звали Пчелка. Это была удивительная псина! Метис пуделя и тибетского терьера. Надо сказать, в семидесятые – восьмидесятые годы тибетскими терьерами в нашей стране называли, кажется, всех лохматых собак среднего размера, не поддающихся породной идентификации. Но

разве в чистоте крови дело? У меня появился настоящий друг, который всегда был рядом. Как же я был горд тем, что я — второклассник, как взрослый, утром встаю на час раньше остальных моих одноклассников и иду сам выгуливать свою собаку!

Так сложилось, что Пчелка прожила всего пять лет. Для собаки страшно мало. Но за это время беспородное, преданное всем сердцем своим хозяевам существо определило мою дальнейшую судьбу. Без собаки мне себя уже представить было невозможно.

И вот осенью 1984 года родители подарили мне восточно-европейскую овчарку. Назвали мы ее Бинэ, в память о первой собаке. По-немецки «Бинэ» — это пчела. Надо сказать, что случилось это очень вовремя. Я вырос в старом московском районе Марьино Роща. Это название знакомо практически каждому советскому человеку по фильму «Место встречи изменить нельзя». Райончик считался лихим во все времена. Занятия с питомцами уберегли меня от нехороших компаний, от плотного общения с «авторитетными ребятами», а следовательно, и от многих бед. У меня же было свое дело и свой путь.

Я ушел в собаководство с головой. Прочел почти все, что можно тогда было найти о дрессировке собак. Когда Бинэ подросла, мы отправились на дрессировочную площадку «Седьмое небо» в Останкино. Это оказался целый мир! Правда, заниматься было поначалу очень тяжело. В любую погоду — и в дождь, и в снег — надо сначала было идти больше часа пешком, в общественный транспорт друзей человека не пускали. До обеда занятия в начальной группе (общий курс дрессировки), потом тренировка в спортивной команде (занятия для продвинутых), нас туда взяли авансом.

Учебно-дрессировочные площадки были очень интересным местом. Они относились к ДОСААФ (добровольное общество содействия армии, авиации и флоту), то есть к военизированной государственной организации, но преподавали там самые обычные люди. При этом они были блестящими специалистами и организаторами. Чтобы получить право обучать простых граждан общению с этими животными, надо было сначала выдрессировать свою собаку, сдать на отлично два экзамена, на это уходил минимум год, потом отучиться девять месяцев на специальных курсах. Там тоже все по-серьезному: зачеты, курсовые,

выпускной экзамен, как в самом настоящем вузе. Дальше — год стажировки и только потом — добро пожаловать в преподавательский состав. Такое горнило могли пройти только фанаты, люди по-настоящему увлеченные. Так что я оказался среди своих. И они все были людьми незаурядными. Сергей Борисович Абрамов — старший инструктор площадки (сантехник), Николай Гедальевич Хавенсон (физик — доктор наук), Александр Золотарев (офицер запаса), Юра Остащенко (сценарист), Виктор Ермаков (сварщик), Михаил Зверкин (геодезист), всех перечислить невозможно. Были среди них и вовсе необычные персонажи. Например, человек, который из своих пятидесяти лет большую часть жизни бродяжничал, а потом в один прекрасный день у него появилась собака и судьба его круто переменилась. На площадке все звали его дядя Витя — добрый, душевный человек. На другой площадке работал профессиональный революционер из республики Чили — Карлос. В СССР он попал, скрываясь от преследования на своей Родине, чем он занимался, никто не знал, но мужик он был хороший. И вот все эти люди, которые вряд ли бы сошлись в обычной жизни, встретились на площадке: их познакомили, сделали единомышленниками и сдружили именно животные. Грамотные кинологи, очень требовательные преподаватели, тонкие психологи, но главное: все они очень любили собак. Впоследствии кто-то из них стал просто моим хорошим товарищем, ну а кто-то — близким другом.

Инструкторы служебного собаководства (а именно так правильно назывались преподаватели на собачьих площадках) работали один-два раза в неделю. Остальные пять дней они трудились по своей основной специальности. Помимо обучения всех желающих, инструкторы вели спортивные группы, организовывали соревнования, строили и ремонтировали тренировочные снаряды. Получали при этом общественники тридцать рублей в год (в конце восьмидесятых на эти деньги можно было купить три бутылки водки).

А сколько романтических отношений завязывалось здесь! Мой друг Михаил Кириллов преподавал на площадке. У него в группе занималась с собакой девушка Анечка. Молодые люди понравились друг другу и через какое-то время решили пожениться. Как правило, такой серьезный шаг предваряет церемония знакомства с родителями. Родители Ани пригласили своего будущего зятя к обеду. Миша практически сразу понравился маме. Симпатичный, в идеально отглаженном костюме, с букетом, поцеловал руку. Будущая теща таяла на глазах.

Когда неловкость первых минут спала и светская беседа потекла по всем правилам приличия, в гостиную, где был накрыт стол, вошла Анечкина собака и села рядом с Мишей, и он машинально потрепал ее за ухом.

Мамаша воскликнула: «Миша, что вы делаете?» Спокойный и недоуменный ответ: «Глажу собаку» — ее возмутил окончательно. «Миша, вы сидите за сто-

лом и гладите собаку! Это недопустимо!» Повисла напряженная пауза. Будущей теще требовалось ответить негрубо, но убедительно. И тогда жених взял одной рукой собаку за морду, другой за хвост и одним движением облизал псину от мочки носа до кончика хвоста. Действие произвело эффект разорвавшейся бомбы. Мама, закатив глаза, откинулась на спинку стула, папа с полотенцем и водой пытался привести ее в чувства, невеста проклинала своего избранника. Вот такое получилось сватовство. А потом была свадьба, двое сыновей, любящие теща с тестем и счастливая собака.

Учиться кинологии мне было очень интересно. Инструкторы «старой школы» могли объяснить достаточно сложные вещи простым, понятным языком. Не могу сказать, что все у меня получалось с первого раза. Но постепенно дело двигалось. Я начинал все больше и больше чувствовать свою питомицу, а она научилась понимать меня без слов. Со временем Бинэ стала выполнять приемы, по началу казавшиеся мне невероятно сложными: «ко мне», «место», «сидеть», «лежать», «стоять», «фу», движения рядом без поводка, аппортировку (подноска предмета), преодоление снарядов, выборку предмета по запаху, охрану вещи, задержание «нарушителя». Чтобы добиться правильного выполнения всех этих упражнений, нужно знать множество вещей, связанных с собачьей психологией и физиологией. И, конечно, быть требовательным, в первую очередь к себе.

В спортивную команду (занятия для продвинутых) тренеры отбирали людей из обычных дрессировочных групп. Требование было одно — огромное желание работать. И это желание неоднократно подвергалось проверкам.

Осень. Льет дождь. Посреди площадки большая лужа. Задача — заставить собаку выполнить команды «лежать», «сидеть», «стоять» в этой луже. Условие — делай, что хочешь, но не опускайся до грубости. Естественно, ни одна нормальная собака не захочет по собственной воле улечься в холодную жижу. Чтобы выполнить задание, нам приходилось ложиться рядом. Обычный человек может задать вполне резонный вопрос: «Зачем так издеваться над собой и своим домашним любимцем»? Просто людям, которые хотели достичь вершин дрессировки, это было важно.

И еще нам было очень интересно общаться друг с другом. Помню, после очеред-

ной тяжелой тренировки, мы обсуждали разные методы дрессуры, спорили о работах академика Павлова, о книгах Владимира Леонидовича Дурова, кто-то упомянул имя американской дрессировщицы Карен Прайор. И тут я спросил: «Интересно, а как там, за границей, дрессируют собак?» «Эх, Гришка, — вздохнул один из моих приятелей, — никогда ты об это не узнаешь». Мне стало так обидно! Но на тот момент эта истина казалась незыблемой. На дворе 1986 год. Страна жила за «железным занавесом», а человек, побывавший «на западе», воспринимался окружающими практически как космонавт. Прошло не так много времени, появилась программа «Планета собак», и я побывал в четырех десятках стран. И везде знакомился с разными породами собак, изучал, как живут братья наши меньшие в разных уголках земли. Сказал бы я тогда, в 1986-м, что будет такое, уверен — подняли бы на смех. Хотя посмеивались надо мной тогда и так достаточно часто.

Как-то раз на уроке литературы учительница вызвала меня к доске. Я не помню, о каком произведении шла речь. Я не был готов отвечать, о чем сразу честно признался. «Гриша, а какую последнюю книгу ты прочел?» — сочувственно спросила учительница. «Как лечить вашу собаку», — ответил я. В классе захихикали. Ставя мне жирную двойку, учительница со вздохом задала, как ей казалась, риторический вопрос: «Господи, и чем же ты будешь заниматься, когда вырастешь?» «Собаками!» — Я и секунды не задумывался. Одноклассники заржали! У нас был дружный класс, мы общаемся до сих пор. Правда, теперь, вспоминая ту историю, мы смеемся уже вместе.

Это сейчас профессия кинолога, можно сказать, на слуху. Те, кто регулярно смотрят выпуски новостей, знают, что есть такие люди, которые с собаками ищут взрывчатку. Но тогда, бывало, долго приходилось объяснять, что кинолог к кино никакого отношения не имеет. Название профессии происходит от греческого «кинос», т. е. собака. Поначалу я абсолютно неосознанно делал шаги в сторону этой профессии, но чем дальше я продвигался вперед, тем отчетливее становились для меня ориентиры.

Соревнования по общему курсу дрессировки и защитно-караульной службе проводились под эгидой ДОССАФ на региональном уровне. Чемпионаты СССР по этим видам прикладного спорта при мне уже не проводились, максимум – первенство Москвы. Но и эти старты было очень непросто выиграть. Требовалось пройти многоступенчатый отбор. Конкуренция была жесточайшая. Чтобы выйти на такой уровень, требовалось отдавать тренировкам все свободное время.

Летом занятия с командой проводились в будние дни по вечерам. Несмотря на интенсивный график, мы отдыхали на площадке. Ребята постарше могли отвлечься от рабочих и семейных проблем, те, кто помоложе, наслаждались каникулами. Занимались до темноты. Как раз благодаря одной такой тренировке я попал в основной состав нашей спортивной команды.

Началось все с подарка. Мой дядя привез мне из командировки электронные часы. Тогда это было круто. Я не снимал их ни днем, ни ночью. Но на одной из таких вечерних тренировок, я все-таки потерял свой хронометр. Все ребята жалели меня и помогали в поисках. Но куда там! Обнаружить часы в траве, в кромешной темноте на территории в двести квадратных метров – все равно, что искать иголку в стогу сена. И тогда мой тренер, Сергей Борисович Абрамов, посоветовал отправить на поиск собаку. Что я и сделал, правда, в успех этого предприятия уже не верил. И каково же было всеобщее удивление, когда после недолгих поисков, моя Бинэ принесла пропажу. При этом она настолько аккуратно держала часы в зубах, что на них не осталось даже царапины. Все поздравляли меня, как будто я выиграл ответственные соревнования, а тренер подошел ко мне и сказал: «Всегда доверяй собаке!» Это напутствие не раз выручало меня и даже однажды спасло жизнь.

Кстати, свой первый рубль я заработал вместе со своим четвероногим другом, хоть и по чистой случайности. Мы гуляли большой компанией по старому Арбату. Естественно, со мной была моя Бинэ, я всегда брал ее с собой. Я глядел на толпу, и мне вдруг стало интересно, а сможет ли моя собака правильно выполнять приемы общего послушания среди такого скопления народа. И тогда я посадил свою боевую подружку посередине улицы, отошел метров на двадцать и начал жестами (без слов) отдавать команды. Бинэ работала как часы, не об-

ращая внимания на зевак, которые начали собираться вокруг. Когда мы оказались в достаточно плотном кольце зрителей, один из моих предприимчивых друзей взял шапку и прошелся по кругу, призывая любопытствующих скинуться на корм талантливой собачке. Надо сказать, что люди, оказавшиеся на этом спонтанном представлении, не поскупились и одарили нас весьма щедро. После мы иногда повторяли представление, неизменно пользовавшееся успехом.

В 80-е годы в дефиците было все. Современным шопоголикам сложно представить, что ты приходишь в магазин, а там ничего нет. То есть вообще ничего! Я только сейчас понимаю, каково в те годы жилось женщинам. Им, как и во все времена, хотелось выглядеть красиво, несмотря на экономические передряги. Тогда практически отсутствовало понятие «купить», оно было заменено на «достать». Хорошую вещь, продукты и все остальное люди именно доставали, по блату, с переплатой. Моя семья исключением не являлась. Однажды мама достала югославские зимние сапоги — предмет гордости любой модницы в те времена. О, если бы она заранее знала, что с ними произойдет!

У всех животных есть набор врожденных рефлексов, то есть защитных реакций организма на окружающие раздражители. Рефлекс подсказывает, что делать, когда хочется есть, когда и как продлить род, как ухаживать за потомством и т. д. Но есть и более сложные поведенческие модели, например ориентировочный рефлекс. Его еще называют «рефлексом познания мира». Разбирая игрушку, ребенок хочет узнать, как она устроена. Щенок, разгрызая предмет, тоже интересуется, что у него внутри. Я вообще убежден, что отличительной особенностью неординарной личности является любознательность, но, как у всякой медали — это качество имеет и обратную сторону. Моя овчарка Бинэ достаточно долго

грызла обувь. Если ей попадались бесхозные ботинки, кроссовки или тапочки, хулиганка улучала момент и разделялась с ними молниеносно. Та же участь постигла и мамини замечательные сапоги. Мама даже плакала. Наверное, именно в такие минуты проходит проверка настоящая любовь.

В дальнейшем я на практике убедился в том, что братья наши меньшие руководствуются в жизни не только рефlekсами, но еще и рассудочной деятельностью. После катастрофы с маминими сапогами мы решили узнать, насколько

силен интерес нашей собаки к обуви. Папа сделал закрытую галошницу, дверки которой открывались наружу. Казавшийся надежным ларчик Бинэ открыла в первый же день, оставшись дома одна. Хорошо, что на период испытаний обувь туда не поставили. В следующий раз папа усовершенствовал конструкцию, заблокировав ручки дверок лыжными зажимами. Но и это ухищрение оказалось бесполезным. Вся семья с интересом следила за поединком дипломированного инженера и щенка восточноевропейской овчарки. Приставленная вплотную к дверкам шестнадцатикилограммовая гиря тоже не помогла. Псинка, отодвинула ее, сняла зажимы и открыла галошницу. После еще нескольких проигранных раундов, папа наконец-то сдался. Охранная система была упрощена до безобразия. На ручки дверок повесили навесной замок. При этом, во избежание внештатных ситуаций, ключ висел на гвоздике, прибитом выше человеческого роста. Такой подход к проблеме мне напомнил анекдот: «Гуляет по парку мужик и видит: на скамейке сидит старичок и играет с собакой в карты. Мужик, не скрывая иронии, спрашивает: «Дед, у тебя и вправду такая умная собака?» На что старичок с сожалением отвечает: «Не-е, дура! Когда ей масть идет, она хвостом вилять начинает».

В семнадцать лет я стал серебряным призером чемпионата Москвы, окончил курсы инструкторов служебного собаководства ДОСААФ. Приближалась служба в армии.

Интересно, что первая книжка, которую я самостоятельно прочел, называлась «Алый». Это была история пограничника по фамилии Кошкин и его четвероногого напарника, пса по кличке Алый. Я с детства мечтал служить на границе с собакой, и через какое-то время моя мечта сбылась. Правда для этого мне пришлось поближе познакомиться с армейскими порядками.

В июне 1990 года меня призвали в пограничные войска в город Алма-Ата, но не в службу собак, а в школу связистов. Для человека, который ровным счетом ничего не понимает в физике, — это было серьезное испытание. Так как я каждый день писал раппорты с просьбой отправить меня к собакам и наотрез отказывался овладевать профессией связиста, меня причислили к злостным нарушителям дисциплины. За три месяца я отдраил километры полов, пере-

мыл тонны посуды и нажил врагов, как мне тогда казалось, на всю оставшуюся жизнь. Мечта требовала жертв! Понимая, что терять, кроме швабры, мне уже нечего, я написал раппорт на имя командующего войсками округа, приложил копии всех имеющихся у меня документов и стал ждать конца света. Такие обращения — грубейшее нарушение армейской субординации и устава. И здесь или пан, или пропал. Я уже не надеялся на благополучный исход, когда в часть, где я служил, пришел приказ о моем переводе в службу собак. На следующий же день меня отправили в южный Казахстан на советско-китайскую границу.

В Чунджинском пограничном отряде меня определили на заставу №13 «Будуты» Краснознаменного Восточного пограничного округа. Там за мной закрепили немецкую овчарку по кличке Норд — у парня была трудная судьба, после контузии он практически ослеп, хотя слух и обоняние оставались очень острыми. Говорили, что он попал к нам из Афганистана, после того как оттуда вывели наши войска. Пес был достаточно злобный, но ко мне агрессии он никогда не проявлял. Я долго не мог понять, когда Норд работает по-настоящему, а когда валяет дурака. На границе, в реальной боевой ситуации, пес делал все блестяще. Никогда не ошибался в направлении и траектории следа, безукоризненно выполнял команды, но на учебных занятиях и в обычном наряде собаку как будто подменяли. Он подолгу не мог взять самый простой след, все время ошибался, не слышал команд, мог неожиданно укусить спокойно стоящего рядом человека. Со временем я понял — тертый калач таким образом проверял границы дозволенного. Я постарался втереться в доверие самым простым образом. А именно, с помощью лакомства. И дело пошло! Как только Норд получал хотя бы крошку печенья, он становился ласковым и послушным. Оказывается, он требовал простого человеческого внимания к себе. Поначалу я был уверен, что этому бывалому вояке сантименты не нужны, мол, чем строже, тем лучше, чтобы не распускался. А оказалось все иначе: ведь собака — это не машина, а живое существо, которому нужно внимание и ласка. Всегда!!!

Специальности — инструктора и вожатого служебной собаки — на границе одни из самых сложных. Практически каждый день многокилометровые дозоры, следовая работа, подъемы по тревоге, а в промежутках — уборка вольеров, приготовление пищи для собак, хозяйственные работы на питомнике. Дел столько, что только успевай поворачиваться. Никакой романтики — сплошная рутинка и огромные физические нагрузки.

Инструктор с собакой всегда идет первым, как на задержание нарушителя, так и в обычном наряде. К такой службе человека специально готовят. Помимо боевых навыков, которые оттачиваются ежедневно, ему рассказывают о традициях пограничных войск, о людях, служивших до него.

Я не понимаю молодых людей, которые не хотят идти в армию. Во-первых, там на самом деле мальчик может почувствовать себя мужчиной, а это дорогого стоит. Во-вторых, министерство обороны — это шикарное бесплатное туристическое бюро. Я вряд ли побывал бы сам в тех местах, где я служил. И в-третьих, это конечно армейская дружба. С теми, с кем делил последнюю корку хлеба, спал под одним бушлатом и попадал под обстрелы, человека связывает на всю жизнь невидимая прочнейшая нить. Этим людям есть что вспомнить.

Один мой приятель, который тоже служил в пограничных войсках, рассказывал, что у них в части на питомнике жил пес по кличке Рон. Злющая здоровенная кавказская овчарка. После того как уволился в запас его вожатый, к собаке никто подойти не мог. Миску с едой ему в вольер ставили через маленькое окошечко, миска была на цепи, чтобы после того, как зверь поест, ее можно было забрать. Для того чтобы прибрать в клетке, пса палками перегоняли в другой вольер. Монстр держал в страхе весь питомник, но командир усыплять его не хотел. И вот однажды в часть прибыло молодое пополнение из одной среднеазиатской республики. Их всех сразу определили в строительную роту, но один маленький шуплый пацан, звали его Али, все время повторял: «Собаку хочу! Дома собака был!» Эти мольбы дошли до начальника службы собак, у которого возникла одна идея. Он привел Али в питомник и показал ему Рона: «Вот тебе замечательная собака, найдешь с ним общий язык — будешь служить здесь, не сможешь договориться с ним — уж извини, не обижайся».

Али согласился, но попросил разрешения, чтобы его на трое суток оставили в питомнике. Когда начальник ушел, Али, не обращая внимания на кидавшуюся на решетку собаку, сел рядом с вольером и принялся разговаривать с Роном на своем языке. Три дня он не умолкал, все это время тихо, монотонно что-то нашептывал огромному псу. Дежурный по питомнику утверждал, что за трое суток Али не отлучался от вольера ни на минуту. Поначалу сослуживцы посмеивались над заклинателем, но уже на следующее утро острякам пришлось замолчать. Большущий волкодав лежал и внимательно слушал человека. Утром третьего дня Али, как ни в чем не бывало, на глазах у всех открыл вольер и зашел к Рону. Пес принял его так, как будто ждал всю жизнь. Гигант поскуливал, как щенок, радостно вилял хвостом, ставил передние лапы на плечи Али и пытался лизнуть ему лицо. При этом голова собаки была почти на полметра выше.

Потом мой приятель поинтересовался у Али, что тот говорил собаке.

— Я рассказывал ему о своем кишлаке, о горе, рядом с которой стоит мой дом, о маме, сестре, братьях, дяде, своей девушке и ее маме, о тракторе, на котором работал, о моем дедушке и его собаках, о том, когда лучше стричь овец, о том, как учился в школе, и о том, что у меня есть белая рубашка.

- И все-таки как тебе удалось уболтать этого сумасшедшего?
— Он не сумасшедший. Его просто никто не любил. С ним нужно было поговорить по-человечески!

После армии мне очень повезло. В 1992 году я попал на работу в кинологическую группу Шереметьевской таможни. Именно тогда у меня появился фантастический пес — немецкая овчарка Рэди. Это имя — производное от английского слова «готовый». И на самом деле, вместе со мной этот парень был готов на все. Мы встретились, когда ему был год. Его первые хозяева уезжали на постоянное место жительства за границу, но собаку, непонятно почему, брать с собой не хотели. Как такое возможно, я до сих пор не могу понять, но в конечном итоге для меня и Рэди это оказалось к лучшему. В романтических фильмах и любовных романах часто описывается любовь с первого

взгляда, а у нас была дружба с первого взгляда. Настоящая, крепкая, мужская. Одной из грубейших ошибок в кинологии считается очеловечивание собаки. На самом деле такая точка зрения имеет право на жизнь прежде всего потому, что собака — другой биологический вид. Конечно, это животное наделено разумом и эмоциями, но приписывать ему весь спектр человеческих качеств официальная наука отказывается. При всей моей любви к собакам и я до какого-то момента был сторонником такого подхода, но все изменилось, когда у меня появился Рэди. Мы понимали друг друга с полувзгляда, мы подшучивали друг над другом. Многое нам довелось пережить. С первого и до последнего дня мы дышали в унисон и были безмерно счастливы вместе. А когда его не стало, то вместе с ним ушла и часть меня. Я уверен, что многим из тех, кто сейчас читает эти строки, знакомо подобное чувство.

О своем друге по имени Рэди, я могу рассказывать долго, так долго, что, наверное, может получиться отдельная книга, но если таковая и будет, то потом. А пока Шереметьевская таможня. Возглавлял нашу группу замечательный человек, кинолог от бога Антон Сергеевич Малиновский. У нас был дружный коллектив: всего семь человек. Самому старшему было двадцать семь. Все имели опыт работы с собаками: кто-то служил на границе, кто-то во внутренних войсках. На тот момент у нас была единственная специализация — поиск и обнаружение наркотических веществ. Собаки сначала обучались поиску рас-

тительных веществ (все производные марихуаны), а потом химических (кокаин, героин, ЛСД).

Сразу хочу ответить на вопрос, который возник у многих читателей: собаку, ищущую наркотики, зельем не пичкают!!! Нет и никогда не было такой системы. Самый простой и распространенный способ обучения построен на игре. Для этого обязательно отбирают собак, которые до упаду готовы играть с любой игрушкой. Порода значения не имеет, хотя большинство специалистов отдает предпочтение лабрадорам, спаниелям и различным овчаркам. Собака должна стремиться во чтобы то ни стало достать даже спрятанную от нее игрушку. Потом ее заменяют на плотно свернутый кусок ткани, который пропитывается запахом искомого вещества. С этим запахом знакомят собаку, а потом играют со свертком так же, как и с игрушкой, после прячут. Пес по запаху ищет предмет, с которым уже привык играть. Кстати, первой таможенной собакой в СССР в середине восьмидесятых был русский охотничий спаниель. Работал он в Ленинграде в аэропорту Пулково и показывал хорошие результаты.

А вообще применять собак для поиска каких-либо веществ начали в Германии. В начале XX века один таможенник с помощью игрушки натаскал свою овчарку на поиск кофе. В то время в страну тоннами ввозили этот контрабандный товар. После подобным образом собак начали натаскивать на поиск оружия и взрывчатых веществ.

Между прочим, в СССР и Норвегии собак пробовали обучать искать по запаху полезные ископаемые. В нашей стране подобная практика не прижилась, а вот у наших северных соседей собаки до сих пор ищут утечки газа из газопроводов. Правда, для этой службы используется так называемое вкусовое поощрение.

Что же касается таможни, то задачи у четвероногих стражей границы разнятся в зависимости от нужд стран, где они работают. В США строжайше запрещен ввоз продуктов питания. Поэтому ненасытные бигли и лабрадоры не покладая лап работают во всех международных аэропортах Америки. Из Австралии нельзя вывозить редких птиц, и там трудятся спаниели. Охотничий инстинкт помогает этим собакам в поисках пернатых. Польские таможенники с помощью собак в свое время начали ловить контрабандистов, которые незаконно пытались вывезти крупные партии янтаря. Это окаменевшая смола тоже имеет свой запах. Кстати опыт переняли коллеги из Калининграда. И там сейчас собаки с успехом ищут янтарь. Тех, кто намеревается вывезти крупную сумму наличности, я тоже вынужден огорчить. Во всех крупных аэропортах России, а также в авто- и железнодорожных пунктах пропуска, вас ждут «нюхачи», обученные искать купюры. Они могут обнаружить искомый запах как в багаже, так и на теле человека. Так что с утверждением «деньги не пахнут» лично я бы поспорил.